

Золотое созвездие

Под вековухами-ивами у Плещеева озера зеленеет вода. Солнце наискось бьёт в неё, и она зеленеет на солнце, изумрудной делается. Мирно суетятся мальки-сеголетки...

Ивы старые, ивы дуплистые, косынки у них из сочной зелени. Шелковистые и ласковые. Они сейчас мягкие и нежные, а в бурю они летуче-стремительны. Быстры и порывисты. Даже резкие.

Поодаль бьют по озеру «беляки». Вихрастые и гривастые, белопенные волны рождаются на дне ярославского «Байкала» — на 25-метровой его глубине и ищут встречи с берегом...

Розовые чайки «клюют» пучину, пытаются что-то достать со дна озера необычное...

Я стою на этом берегу, смотрю вдаль, люблюсь песнопением «беляков» и думаю о древнем русском городе Переславле. И сами приходят, просятся в гости строки великого поэта:

Здесь русский дух,
здесь Русью пахнет...

Парень, о котором пойдёт рассказ ниже, переславец. Причём такой переславец, судьбе которого стоит позавидовать.

Этот парень Василий Котюнин. Комсомолец довоенных лет. Потомок плещеевского рыбака.

...В подвалах Переславского музея хранится много любопытных документов, некоторые из них 400—500 лет хранят упоминание о такой переславской, а точнее — плещеевской фамилии, как Котюнины.

И как знать, не Петра ли Первого угощали ухой где-нибудь у Синего камня рыбаки из рода Котюниных. Петра, чей флот представляет до сих пор в веках пережившая многое «Фортуна».

Мальчишкой плавал Василий на остроносых переславских лодках, бороздил всё Плещеево озеро, наслаждаясь его голубоватой глубиной, синеватой в беспокойстве.

Мальчишкой ночевал он и у Синего камня, на этом выходе из Скандинавии, из ледникового периода. И наверняка он видел весь город с него, ажурно опрокинутым в сильные волны Плещея.

И уха была у этого камня поразительно душистой, сладкой и незабываемой...

А рядом — орешник накрыл гору плотной зелёной одежкой. Эту-то гору — Александрову... От легенд не убежишь, легенды всё скажут. И говорит легенда: из хором, что стояли на Александровой горе, выводил Александр Невский мужиков русских на бой ратный... И пролегла их дорога до Чуди, до Пскова, до Вороньего камня, где псы-рыцари под лёд пошли...

И потому-то на ордене Александра Невского до сих пор стынет нежаркое солнце Переславля, отражая голубизну Плещеева озера, и зелёное окаймление его, бодрость и дух русского мужика, прошедшего по земле древней, чтобы освободить её от врагов.

Перед войной на Александровой горе снимался фильм «Александр Невский». Вовремя снимался. В массовых сценах участвовали колхозники из окрестных деревень. Смотрел этот фильм и Василий Котюнин, потомок рыбаков, комсомолец, тогда ещё совсем парнишка, не знающий, что судьбой ему уготовано носить рядом с Золотой Звездой Героя — орденом своего земляка — орденом Александра Невского.

И суждено было Василию Котюнину воевать в тех местах, где яро дрался с врагами земли русской Александр Невский. Вот как велено рассудить судьбе!

19 марта 1943 года сержант Василий Котюнин сделал первый боевой вылет над Красным Бором, что под Ленинградом, а ровно через два года — 19 марта 1945 года совершил 201 боевой

вылет над Вальтердорфом в Восточной Пруссии, когда во главе группы «ИЛ-2» летел бреющим полётом над шоссе, уничтожая пулемётно-пушечным огнём танки, самоходки и живую силу противника, создавая тем самым возможность нашим войскам продвигаться вперёд.

Не раз приходилось Василию Котюнину штурмовать позиции врага. «Особенно поучительным кажется мне один из последних боёв, когда я вёл шестёрку ИЛ-2, а гвардии старший лейтенант Котюнин — пятёрку ИЛ-2, — вспоминает лётчик Н. Полагушин. — Мы вылетели в одно время на вражеские батареи. Нам дали две цели — две тяжёлые батареи. „Моя“ батарея стояла в глубине, километра на два дальше той, которую приказали разгромить пятёрке Котюнина.

Ещё на земле мы условились: первым захожу на цель я. „Мессеры“ и ФВ-190 обычно подлавливали ИЛов на выходе из атаки. Но, благодаря принятому нами порядку захода на цели, пятёрка Котюнина имела возможность помочь мне, когда я входил в пикирование. Когда же моя группа выходила из атаки и строилась — Котюнин только начинал штурмовку. Я следил за воздухом.

Едва мы пересекли передний край, в воздухе слева появилась пара МЕ-109. Но позади меня шли гвардейцы Котюнина. Шли друзья, и я, глубоко уверенный, что нас они поддержат и отсекут „Мессеров“, приказал атаковать батарею.

„Сто девяты“, как и следовало ожидать, напали на нас в ту минуту, когда мы выходили из атаки. Котюнин в это время заходил на батарею. О возникшей угрозе меня предупредил стрелок Шадрин...

В общей сложности „Мессеры“ произвели на нас восемнадцать атак. Несколько раз меня выручали из беды товарищи. Несколько раз я выручал товарищей. Котюнин, отсекая „сто девяты“ от моей группы, проделал такую дыру в стабилизаторе вражеского самолёта, что в неё можно было просунуть поросёнка. Повреждённый МЕ-109 со снижением вышел из боя».

Много раз вдоль и поперёк пересекал Котюнин на своём ИЛ-2 Прибалтику, сея смерть и смятение в гитлеровских войсках, превращая в бесформенные куски металла танки, орудия врага. За боевые заслуги в декабре 1944 года Василий Котюнин был награждён орденом Александра Невского.

Последний боевой вылет капитана Котюнина был в мае 1945 года. В этот день он сделал пятнадцать дерзких заходов, пролетая над головами обезумевших гитлеровцев так, что потом с машины были сняты ветки ёлок, срезанные во время бреющего полёта.

Отважные лётчики были ещё в воздухе по пути на свой аэродром, когда на командном пункте их части была передана капитану Котюнину и его экипажу благодарность генерал-полковника авиации Хрюкина: «От всего сердца благодарю за смелую, отличную работу над полем боя. Вам и лётчикам, которые летели вместе с вами, объявляю благодарность».

За время войны Василий Котюнин сделал 214 боевых вылетов. Прошёл нелёгкий путь — от сержанта до гвардии майора.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1945 года гвардии майору В. А. Котюнину присвоено звание Героя Советского Союза. Сейчас Котюнин в отставке, живёт в Череповце.

...Я иду рыбацкой слободой, низко кланяюсь ивам, под которыми мы проходили лет этак пятнадцать назад с нашим братом — журналистом Николаем Аносовым, журналистом-трудягой. Я стою на прогибающемся дощатом мосту через реку Трубеж, смотрю на её зеленоватые воды, на окуньков, вытасненных старым рыбаком...

Вижу этого паренька Васю Котюнина, по-студенчески бедновато одетого в те предвоенные годы.

И вижу ещё: Василия Андреевича Котюнина, не потерявшего офицерскую выправку, с золотом на груди и с орденом земляка — Александра Невского, хранящего в памяти синь Плещеева озера, цвет лесов окрестных и солнце ярославское, родное, русское. И белизну лилий с Трубежа. И розовых чаек над Плещеем.

Всё это дорого Василию Котюнину. Навсегда.